

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ЛИЦА НА СВОБОДУ ДАЧИ ПОКАЗАНИЙ

Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с применением уголовного и уголовно-процессуального законодательства при реализации права лица давать показания в ходе процессуальной деятельности по уголовному делу.

В настоящее время ведется острая дискуссия по вопросу реализации права лица на свободу дачи показаний.

По правильному замечанию Л.В. Лобановой, содержание понятия «свобода давать показания» может быть интерпретировано двояко. Во-первых, как возможность выбора между дачей показаний и отказом от дачи показаний; во-вторых, как возможность давать какие угодно показания [1]. Первый постулат в принципе не вызывает практически никаких споров. Право на отказ от дачи показаний гарантировано Конституцией РФ и федеральным законодательством. А что касается второго постулата, то на нем хотелось бы остановиться более подробно.

Возможность давать какие угодно показания представляет собой свободное волеизъявление индивида. Однако эта свобода имеет свои пределы для различных участников судопроизводства. Для свидетеля и потерпевшего это является обязанностью, которая уточняется в законе и конкретизируется в правовой дефиниции «давать правдивые показания», а также имеет и правоограничительную сторону – за отказ от дачи показаний предусмотрена уголовная ответственность. Относительно права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого давать какие угодно показания, судя по той интерпретации, которую вкладывает законодатель, данные участники процесса вовсе не несут ни обязанности, ни ответственности за дачу заведомо ложных показаний обвинения других лиц в совершении преступления и т. д. В свете международных стандартов такой полнотой свободы не обладает ни один из субъектов уголовного судопроизводства [2].

Упрощая ситуацию и исключая ответственность отдельных субъектов уголовного процесса, законодатель изначально поставил в неравные условия других участников уголовного судопроизводства, умаляя тем самым их права.

В «Философии права» Г.В. Гегель активно использовал категорию неправа, обозначив ею особенную волю, демонстрируя произвол и от-

дельность индивида от всеобщей воли и всеобщего права, под которым понималось естественное право [3].

В нашем случае формой такого неправа выступает преступление. Здесь субъекты сами желают неправа, даже не пытаются прибегать к видимости права и не стараются интерпретировать неправо как право. В преступлении не уважается ни право само по себе, ни право, каким оно кажется человеку, то есть равно отрицаются его объективная и субъективная стороны [4].

Порождает эту ситуацию возможность, представленная законодателем обвиняемому, воспользоваться преимущественным правом перед другими участниками процесса использовать все средства и способы, которые предоставляет ему закон, в том числе и право обвинить (даже и незаконно) другое лицо в совершении преступления.

Конституция РФ в ст. 55 устанавливает четкий перечень условий, когда права других лиц могут быть ущемлены: для защиты основ конституционного строя; для обеспечения обороны страны и безопасности государства; для защиты здоровья; для защиты прав и законных интересов других лиц.

В ущерб одному участнику процесса законодателем были расширены права другого. Включение в ч. 4 ст. 47 УПК РФ пункта 21, устанавливающего, что обвиняемый имеет право защищаться иными средствами и способами, не запрещенными настоящим кодексом, может породить и в ряде случаев уже порождает определенный произвол и злоупотребление своими процессуальными правами. Таким образом, процессуальные отношения охраняются не всегда надлежащим образом, а процесс правового регулирования их не всегда носит последовательный характер.

Злоупотребление правом имеет место в тех случаях, когда выход за пределы осуществления субъективного права связан исключительно с его использованием во зло кому-либо или чему-либо [5]. Данный пример ярко демонстрирует постулат,

имеющий место на практике: обвиняемый может защищаться всеми средствами, вплоть до ложного обвинения другого лица в совершении инкриминируемого ему (обвиняемому) преступления. М.Х. Хабибуллин указывал, что в результате заведомо ложного показания возможно необоснованное освобождение от ответственности виновных и осуждение невиновных, необоснованное смягчение наказания, неправильное возвращение дела на дополнительное расследование и отсюда – волокита с окончательным разрешением дела, необоснованное удовлетворение иска либо, наоборот, необоснованный отказ в нем и т. д. [6].

И заведомо ложный донос, и заведомо ложные показания посягают на правильную деятельность органов, осуществляющих предварительное расследование и правосудие, и посягают на «интересы отдельной личности, которые могут пострадать, если в результате ложного доноса человек подвергается уголовному преследованию» [7].

Однако здесь следует провести грань между двумя составами ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос» и ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания».

Объективная сторона этих деяний различна. Заведомо ложный донос состоит в умышленно искаженной, неправильной информации как о событии преступления, так и о лицах, его совершивших. Заведомо ложными показаниями свидетеля или потерпевшего умышленно искажаются обстоятельства, имеющие доказательственное значение при проведении дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства [8].

Какое же из этих деяний совершает обвиняемый, избирая для своей защиты оговор других лиц?

Скорее всего, он дает заведомо ложные показания (лжесвидетельствует). Лжесвидетельствовать можно только по уже возбужденному уголовному делу.

О заведомо ложном доносе следует сказать, что это умышленное искажение, неправильная информация как о событии преступления, так и о лицах, его совершивших, то есть в данном случае речь идет о еще не возбужденном уголовном деле, о непроверенной информации, которая в дальнейшем может привести к возбуждению уголовного дела.

Действующее уголовное законодательство не связывает ответственность за заведомо ложный донос с указанием на конкретное лицо,

совершившее преступление. Поэтому при заведомо ложном доносе ложные сведения могут касаться как лица, которое якобы совершило преступление, так и самого факта совершения преступления, которого на самом деле не было. Мотивы и цели заведомо ложного доноса могут быть самыми различными. Цель возбуждения уголовного дела и тем более цель привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности не являются обязательными элементами состава заведомо ложного доноса. Если бы законодатель связывал ответственность за заведомо ложный донос с целью привлечения невиновного к уголовной ответственности, он бы предусмотрел эту цель в качестве обязательного элемента субъективной стороны [9]. Помещение данного состава в главу «Преступления против правосудия» свидетельствует о том, что рассматриваемая цель предполагается законодателем. Однако в законодательной конструкции цель не указана. Отсутствие ее в правовой норме затрудняет на практике отграничение заведомо ложного доноса от клеветы, предусмотренной ч. 3 ст. 129 УК РФ – обвинение лица в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления.

Между тем в ряде законодательных конструкций зарубежного права нормы, предусматривающие ответственность за заведомо ложный донос, указывают на обязательный элемент субъективной стороны – цель привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности [10]. Думается, было бы верным дополнить ст. 306 УК РФ указанием на цель заведомо ложного доноса – привлечение заведомо невиновного лица к уголовной ответственности.

Правовая конструкция, предложенная законодателем в ст. 307 УК РФ в качестве субъектов преступления заведомо ложных показаний, устанавливает двух участников уголовного судопроизводства – свидетеля и потерпевшего. Правовое положение этих лиц существенно отличается от правового положения обвиняемого. Потерпевший выступает в процессе как сторона, интересы которой были нарушены преступлением, и его заинтересованность в исходе дела очевидна. Свидетель – лицо, не заинтересованное в исходе дела. Обвиняемый выступает в процессе на стороне защиты. Его интересы – избежать ответственности, понести менее тяжкое наказание за содеянное. Его заинтересованность также очевидна. Обвиняемый к уголовной ответственности по данному составу привлечен быть

не может, даже если благодаря его показаниям будет осужден невиновный человек.

В связи с тем, что обвиняемый (подозреваемый, подсудимый, осужденный) не несет уголовной ответственности за лжесвидетельство, вовсе не следует, что его ложные заявления, сделанные в ходе процесса, вообще не должны приниматься во внимание. Не может оставаться без должного реагирования злоупотребление обвиняемым своими процессуальными правами, которое может повлечь незаконное осуждение лица, невиновного в совершении преступления. Как ни странно, подобного рода действия судебной практикой высших судебных инстанций рассматриваются иногда как допустимый способ защиты.

УК РСФСР предусматривал возможность учета подобного поведения обвиняемого в п. 11 ст. 39 и квалифицировал его в качестве отягчающего ответственность обстоятельства – «оговор заведомо невиновного лица». Однако, поскольку на эту норму правоохранительные органы ссылались нечасто, оговор заведомо невиновного лица был исключен из перечня отягчающих вину обстоятельств (ст. 63 УК РФ). В настоящее время оговор – явление довольно распространенное. Представляется возможным конструирование самостоятельного состава преступления, которым бы охватывались не только случаи оговора заведомо невиновного лица, но и факты искусственного создания обвиняемым доказательств совершения преступления другим лицом [11].

А.Н. Трайнин еще в 1927 г. указывал, что не может... отвечать за ложное показание обвиняемый. Это изъятие не означает, конечно, признание за обвиняемым права на ложь [12]. Безусловно, данная позиция является правильной. Нельзя одному лицу давать больше прав, чем есть у другого лица. Здесь требуется найти такой баланс интересов, чтобы возможно было не только избежать злоупотребления правом, но и выполнить возложенные обязанности.

Это и приводит к мысли о создании самостоятельной правовой конструкции, которую следует поместить в ст. 307-1 УК РФ.

Оговор обвиняемым заведомо невиновного лица и создание искусственных доказательств обвиняемым совершения преступления другим лицом, повлекшие в дальнейшем привлечение невиновного к уголовной ответственности или осуждению, – наказываются лишением свободы на срок до пяти лет.

В том случае, если не наступили последствия, указанные в ст. 307-1 УК РФ, это обстоя-

тельство должно учитываться в качестве отягчающего вину обстоятельства. В свою очередь перечень обстоятельств, отягчающих ответственность, предусмотренный ст. 63 УК РФ, должен быть расширен за счет включения данного признака. Здесь происходит сближение с западным правом, не видящим в уголовной ответственности чего-то неотвратимого и склонным к более гибким формам реакции государства на преступление [13].

Теперь остановимся на том, почему конструкцию ст. 307-1 УК РФ мы предлагаем сделать материальным составом. Именно материальный состав позволяет установить степень общественной опасности действий обвиняемого, которые существенным образом ущемляют права других лиц и позволяют судить не только о злоупотреблении своими правами, но и влекут за собой привлечение невиновного лица к уголовной ответственности и наказанию. Отсутствие этих последствий не делает правомерным поведение обвиняемого, но влечет за собой для него иные негативные правовые последствия. Это связано с тем, что степень опасности его поведения различна в этих случаях.

В первом случае лицо подвергается уголовному наказанию за действия, которых оно не совершало. Несет эту ответственность лицо, которое в принципе не может быть привлечено к уголовной ответственности, поскольку оно, с объективной точки зрения, невиновно, хотя с точки зрения юридической имеются основания для привлечения его к уголовной ответственности – показания обвиняемого и созданные искусственно доказательства виновности лица – т. е. признаки состава преступления.

А во втором случае этих последствий нет. Хотя в отношении данного лица обвиняемый совершил действия, но по не зависящим от него причинам последствия не наступили. В этом случае мы не только говорим о покушении на преступление, но и ведем речь об обстоятельстве, отягчающем вину, – оговор заведомо невиновного лица.

Подобные конструкции и будут тем противовесом, позволяющим держать баланс интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и иных лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Предоставление обвиняемому возможности защищаться всеми средствами, не запрещенными действующим Уголовно-процессуальным кодексом, вовсе не обеспечивает безопасности других лиц, поскольку является нормой

нерабочей. Вернее сказать, рабочей, но лишь только в интересах одного участника процесса – обвиняемого. Обвиняемому предоставляется возможность давать какие угодно показания, поскольку ответственность в уголовно-правовом смысле не наступает. Но и УПК, и УК обязывают прежде всего защищать права личности. Так, ч. 1 ст. 2 УК РФ устанавливает, что задачами УК является защита прав и свобод человека и гражданина, а ст. 6 УПК РФ свое назначение видит в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Отсутствие действенного механизма этой защиты порождает правовой нигилизм и позволяет не только избежать наказания лицу, виновному в совершении преступления, но и осудить лицо невиновное. На наш взгляд, этот баланс должен быть установлен не только уголовно-правовыми средствами, уже предложенными нами. Этот баланс должен быть установлен и процессуальными средствами. Среди них следует указать: средства и способы, избранные обвиняемым для своей защиты, не должны нарушать и ущемлять права и свободы других лиц. Отсутствие данного указания в законе позволяет как угодно широко трактовать свободу выбора своего поведения обвиняемым, в частности относительно дачи им показаний. А все это приводит не только к нигилистическим взглядам на способы и средства защиты обвиняемым своих прав, но и к разрушению уже имеющегося механизма защиты прав личности в уголовном судопроизводстве вообще. Возможность получить благо – избежать уголовной ответственности – расценивается обвиняемым как самоцель, способы достижения которой для него не играют никакой роли. Тем более что законодатель сам некорректно составил ряд уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм (имеются в виду нормы ст. ст. 306, 307, 308, 316 УК РФ, а также ст. ст. 413, 47 УПК РФ).

В настоящее время все это дает возможность обвиняемому избирать средства и способы для защиты, которые могут затронуть права и интересы других лиц. Установив, что подсудимый оговаривает заведомо невиновное лицо, суд вправе в пределах предусмотренной законом санкции назначить за совершенное преступление более строгое наказание, чем то, которое могло быть назначено, если бы подсудимый не стал прибегать к запрещенному приему защиты, коим, безусловно, является оговор [14]. Оговор заведомо невиновного лица созда-

ет угрозу применения уголовного наказания к человеку, не виновному в совершении преступления. Данное обстоятельство обычно свидетельствует об особо отрицательных моральных качествах преступника, стремящегося снять с себя вину или смягчить ее путем оговора другого лица. Оговор заведомо невиновного лица крайне отрицательно характеризует личность лжедоносчика и лжесвидетеля и требует применения к ним более строгого наказания [15]. Оговор невиновного лица и ложные доносы «порождают в обществе атмосферу подозрительности и неуверенности» [16].

Оговор заведомо невиновного лица следует отличать от заведомо ложного доноса. Субъектом данных деяний является любое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, в том числе и обвиняемый. По мнению А.С. Горелика, если донос прямо не относится к предъявленному обвинению и не является способом защиты от него, то ответственность наступает по ст. 306 УК РФ на общих основаниях [17]. Данный автор устанавливает возможность привлечения обвиняемого к уголовной ответственности за ложный донос в зависимости от того, связан этот донос с предъявленным обвинением или нет. На наш взгляд, оговор и заведомо ложный донос – разные составы.

Оговор всегда напрямую связан с предъявленным обвиняемому обвинением. Нельзя согласиться с мнением А.С. Горелика, ставящего привлечение обвиняемого к ответственности в зависимости от выбранного им способа защиты – если ложные сведения являются средством самозащиты от обвинения (например, виновный полностью приписывает совершенное им преступление другому лицу либо преуменьшает свою роль в преступлении за счет соучастников), то ответственность исключается [18]. Из рассуждений А.С. Горелика следует, что если обвиняемому удастся свалить вину на других лиц, то на скамье подсудимых будут находиться лица, не виновные в совершении преступления, а виновное лицо избежит уголовной ответственности в ущерб интересам других лиц. Прикрываясь этим способом защиты, мы позволяем законным способом избежать уголовной ответственности виновным лицам.

Нам могут возразить, что слишком уязвима позиция обвиняемого в уголовном процессе, чтобы лишать его возможности защищаться и таким способом. Ответственность является одним из решающих элементов, определяю-

щим степень свободы и основное направление поведения человека [19]. Ответственность рассматривается как субъективный фактор, как внутренний стимул к должному поведению, сознанию последствий поведения для общества, их оценка самим действующим лицом как полезных или вредных [20]. Лицо само должно решить какое поведение ему выбрать. При данной правовой конструкции допустимо поведение которое безнаказанно позволяет нарушать права и законные интересы других лиц.

Неужели под безответственностью надо понимать не то, что так называется на самом деле и что заслуживает презрения, а при вредных последствиях – наказания, а, наоборот, снятие обязанности подвергнуться определенным мерам и, по-видимому, успешный уход от наказания, гарантированность от возможности его понести [21]. Все это наводит на правильность нашей позиции о необходимости введения в законодательство ответственности за оговор заведомо невиновного лица.

Но существует и другая проблема. Ст. 413 УПК РФ устанавливает круг оснований для возобновления производства по уголовному делу ввиду вновь открывшихся обстоятельств. Введение ответственности обвиняемого требует внесения изменений в ч. 3 ст. 413 УПК РФ следующего содержания: оговор, допущенный обвиняемым и установленный вступившим в законную силу приговором суда, будет основанием для оправдания невиновного обвиняемого лица.

Свобода показаний обвиняемого гарантируется в частности тем, что никто не может быть принужден к даче показаний против самого себя или признанию себя виновным. По УК РФ обвиняемый защищен от принуждения к даче показаний путем применения угроз или незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительного следствия [22].

Ответственность за принуждение к даче показаний предусмотрена ст. 302 УК РФ. Данный состав преступления предполагает ответственность за неправомерное воздействие на обвиняемого, подозреваемого с целью получения от них показаний, которые могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу и положены в основу принимаемых процессуальных решений (обвинительного заключения, приговора).

Между тем Уголовный кодекс не гарантирует обвиняемому уголовно-правовой защиты от понуждения к даче ложных показаний со сто-

роны других обвиняемых. Эта проблема становится особенно острой, когда речь идет о преступлениях, совершенных преступными группами. Защита каждого участника уголовного судопроизводства является гарантией осуществления правосудия и вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Между тем такие гарантии предусмотрены только в отношении свидетелей и потерпевших, а также их близких. По-видимому, в данном случае можно говорить о проблеме в уголовном законодательстве. Вряд ли свидетель в этом отношении должен находиться в более выгодном положении, чем центральная фигура уголовного процесса – обвиняемый [23].

Для большинства стран мира меры по защите свидетелей и потерпевших распространяются и на обвиняемых по групповым делам. Так, закон RICO в США не только конкретизирует меры борьбы с организованными преступными формированиями, но и предусматривает особые меры защиты членов преступных групп, дающих показания против лидеров [24].

Хотелось бы обратить внимание также на примечание, содержащееся в ст. 308 УК РФ, – лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников. Это право на отказ от дачи показаний ни в коем случае нельзя рассматривать как «право на ложь» [25]. Свидетель и потерпевший могут быть освобождены от ответственности в том случае, когда указанные участники процесса изначально отказались от дачи показаний. Но в том случае, когда данные лица после разъяснения права на отказ от дачи показаний изъявили желание давать их, необходимо предупредить об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Сейчас же законодательная конструкция сформулирована таким образом, что потерпевшего и свидетеля предупреждают лишь о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и в случае его последующего отказа от этих показаний (см. ст. ст. 42, 56 УПК РФ). Думается, было бы правильным именно здесь указать на ответственность за дачу заведомо ложных показаний именно при такой правовой ситуации.

Следует также определить законодателю круг дел, на которые не распространяется действие правил свидетельского иммунитета в отношении свидетелей и потерпевших. Предложе-

ние В.Г. Даева о сохранении обязанности давать показания по определенному кругу преступлений с учетом приоритета защиты личности и особенно детей заслуживает внимания, поддержки и внедрения [26].

М.С. Косякова указывает, что о преступлениях в отношении малолетних детей, о преступлениях, совершаемых с использованием или участием детей, обязаны давать правдивые показания все, независимо от их отношений с обвиняемым. Никакого права на отказ от дачи показаний. Ограничить свободу выбора поведения для блага детей – нашего будущего [27]. Весьма близко к этой проблеме стоит проблема ответственности близких родственников за укрывательство.

Примечание, содержащееся в ст. 316 УК РФ, предоставляет возможность супругу и близким родственникам избежать уголовной ответственности за данное преступление. Эта позиция законодателя верна, но требует определенного уточнения. Нельзя забывать о преступлениях в отношении несовершеннолетних и малолетних детей – это дела о преступлениях в отношении малолетних и несовершеннолетних, независимо от того, входят ли они в соответствующую главу УК или содержатся в качестве квалифицирующих признаков различных составов.

Взаимодействие норм материального и процессуального права в реализации права на дачу показаний проходит через единство целей и задач, стоящих перед уголовным правом и процессом, главной из которых считается защита личности. Однако именно уголовно-процессуальные способы и средства этой защиты должны быть соразмерны, чтобы не нарушать права и интересы других лиц, а уголовно-правовые – предупреждать эти нарушения под страхом уголовного наказания. В связи с этим необходимо внести следующие изменения и дополнения в УК РФ и УПК РФ.

Следует четко определиться с категорией дел, по которым свидетель и потерпевший не вправе отказаться от дачи показаний, сославшись на ст. 51 Конституции РФ, и обязаны сообщить о совершенном преступлении. Это категория дел в отношении несовершеннолетних и малолетних либо с их участием.

Ст. ст. 308 и 316 УК РФ в связи с этим должны быть снабжены соответствующим примечанием №2:

Примечание №1 не распространяется на случаи совершения преступлений в отношении малолетних и несовершеннолетних или с их участием.

Меры безопасности необходимо применять и к обвиняемым, желающим сотрудничать с правоохранительными органами, если имеется опасность физического и психического воздействия на них со стороны других обвиняемых и подозреваемых по этому делу, дополнив ст. 47 УПК РФ пунктом следующего содержания:

Ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ может и обвиняемый.

При наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю, обвиняемому или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством.

Ввести в качестве отягчающего вину обстоятельство и поместить его в ст. 63 УК РФ – оговор заведомо невиновного лица.

Ввести в УК РФ норму ст. 307-1 УК РФ, которая предусматривала бы ответственность за оговор обвиняемым заведомо невиновного лица и создание обвиняемым искусственных доказательств совершения преступления другим лицом, повлекшее в дальнейшем привлечение невиновного лица к уголовной ответственности и осуждению, – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Ст. 47 ч. 4 п. 21 УПК РФ следует изложить в следующей редакции:

Обвиняемый вправе защищаться иными средствами и способами, не запрещенными действующим законодательством и не нарушающими права и интересы других лиц.

Список использованной литературы:

1. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. Круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право, № 10, с. 52-53.
2. Там же.
3. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право, 2001, № 5, с. 14.
4. Там же.

5. Государство и право, №7, 1998, с. 30.
6. Хабибулин М.Х. Ответственность за заведомо ложный донос и заведомо ложное показание по советскому уголовному праву. Из-во Казанского Университета, Казань, 1975, с. 10.
7. Пиантовский А.А. Курс советского уголовного права, т. 2. М., Наука, 1970, с. 175.
8. См.: Комментарий к УК РФ под ред. В.И. Радченко, М., 1996, с. 548-549.
9. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права. Екатеринбург, 1997, с. 54-55.
10. См.: ст. 195 УК Республики Молдова.
11. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву. Круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право, № 8, 1998, с. 53.
12. Трайнин А.Н. Уголовное право. Часть особенная. М., 1927, с. 164.
13. Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право, 1999, № 3, с. 64.
14. Газета «Известия» за 09.08.1969 г.
15. Хабибулин М.Х. Там же, с. 135-136.
16. Уголовное право России. Учебник для вузов Часть особенная. / Отв. ред. проф. Л.Л. Кругликов.- М.: Из-во БЕК, 1999, с. 706.
17. Там же, с. 707-708.
18. Там же.
19. Косолапов Р., Марков В. Свобода и ответственность. М., 1969, с. 63.
20. Санталов А.И. Теоретические вопросы уголовной ответственности. Ленинград, 1982, с. 5.
21. Там же, с. 8.
22. Государство и право, №8, 1998, с. 53.
23. Там же.
24. Никешкин В. Доказывание по делам, связанным с организованной преступностью. // Законность, 2001, №8, с. 37-38.
25. Косякова Н.С. Лжесвидетельство // Государство и право, 2001, №4, с. 70.
26. Там же.
27. Там же.